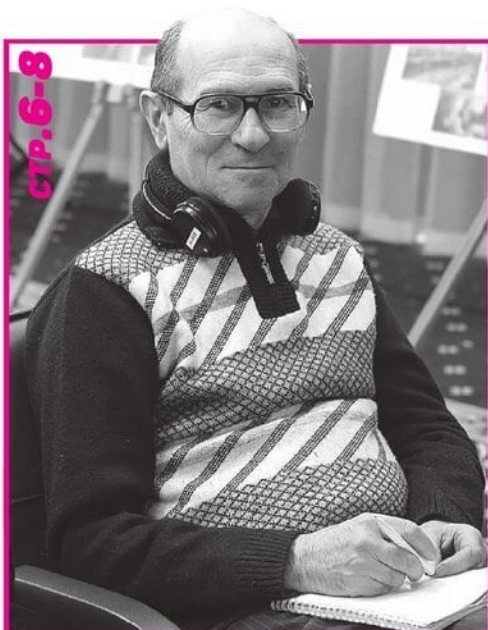

СТР. 6-8

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ГРИГОРИЙ
ПОЖЕНЯН,
КИНО,
ОДЕССА...

СТР. 9-11

УНИКАЛЬНЫЙ!

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№38 (119)
СЕНТЯБРЬ 2022

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

КЛАССИЧЕСКИЙ

СТР. 17

МУЖСКОЙ
ПИДЖАК

СТР. 14-16

ДЕЛО ЧЕРВОННЫХ ВАЛЕТОВ

КЭТРИН
ЗЕТА-
ДЖОНС

СТР. 5

ДЕЛО ЧЕРВОННЫХ ВАЛЕТОВ

Московский окружной суд

Геннадий Норд

В российской истории было много захватывающих судебных процессов, но дело «Червонных валетов» было и остается одним из самых известных. Ведь на скамье подсудимых в 1877 году оказалась особо опасная шайка — сорок пять человек, среди которых были двадцать семь дворян, включая одного Рюриковича.

Сообщения о ходе суда публиковали все российские газеты и множество иностранных изданий. Причем респектабельная, по общему признанию, речь обвинителя Николая Валериановича Муравьева впервые в русской газетной практике была напечатана полностью, без изъятий. Однако, Муравьев никогда не включал ее текст в сборники своих речей. А от участия в деле, служившем прекрасной рекламой любому защитнику, уклонились почти все корифеи адвокатуры.

ПРЕДЫДУЩАЯ ФОТОГРАФИЯ

Открытый делом «Червонных валетов» подъем к вершинам судебной власти Муравьев успешно продолжил во время суда над убийцами императора Александра II.

Огромное число любопытствующих не смог вместить даже самый большой зал Московского окружного суда.

На суде над «Червонными валетами» обвинитель Муравьев по долгу службы сказал то, что защитник Плевако должен был сказать по убеждению.

Ораторский дар помогал Н.М. Муравьеву доказывать недоказуемое, а стремление делать карьеру — совмещать несоевместимое.

К началу судебного заседания по делу «Червонных валетов» в Московском окружном суде готовились с особой тщательностью. Ведь прежде подобного уголовного дела с сорока восьмью обвиня-

емыми в создании преступной шайки не рассматривалось никогда. Кроме того, немалая часть из тех, кому предстояло предстать перед судом, происходила из известных дворянских и купеческих семей Москвы, а потому условия для них, как вспоминала сотрудница суда Е.И. Козлинина, создавались совершенно необычные:

«Ввиду того, что в деле участвовало более сорока арестантов, инспектор здания Н.А. Манассеин позаботился не только об удобствах и комфорте публики и представителей прессы, но и о комфорте обвиняемых.

Для них на все время процесса, во время которого они оставались в Суде, в верхнем этаже здания были отведены три большие светлые комнаты, в одной из которых были помещены женщины, а в двух других все мужчины. Так как ночевать их в острог не возили, то для каждого из обвиняемых была поставлена кровать с матрасом, подушкой, чистым бельем и байковым одеялом.

Кроме того, было отдано распоряжение, чтобы из буфета им ежедневно подавался не только обильный обед и ужин, но и завтрак. Не удивительно поэтому, что все обвиняемые по этому делу, в острог считавшиеся самыми беспокойным элементом, в Суде вели себя вполне прилично и в своем последнем слове все единогласно заявили, что более гуманного к ним отношения, чем то, которым они были окружены в Суде, они не встречали со дня своего привлечения к делу, и сочли долгом выразить Суду свою глубокую признательность».

В Московском окружном суде предполагали, что дело вызовет огромный интерес публики, и потому выделили для проведения процесса самый большой Екатерининский зал. Но 8 февраля 1877 года, в день начала суда, выяснилось, что даже он не может вместить всех желающих присутствовать на заседании.

Н.В. Муравьев

Николай Валерианович

Н.В. Муравьев

Н.В. Муравьев

ников слыл коллежский регистратор П.К. Шпейер, который разнообразными способами добывал себе средства для кутежей:

«Еще не достигнув 16 лет, он уже щеголял дорогими бриллиантами, которыми его одаривали его состоятельные поклонницы, и швырял деньгами в круг кутящей молодежи. Но денег на эти кутежи требовалось много, и того, что он получал за свои ласки, нередко не хватало, а отставать от других не хотелось. Кредит, как мелкий служащий Кредитного общества, он иметь не мог, и пришлось добывать деньги способами нелегальными.

А так как в деньгах нуждался не он один, но и большинство тех юнцов, в кругу которых он вращался, то способы добывания денег придумывались ими сообща, а затем, сообразно с придуманными, между ними распределялись и роли.

Допилили до того, что купили гроб, в который улегся Брюхатов, и, пригласив певчих, заставили их петь погребальные псалмы.

Эти способы не были особенно замысловаты: чаще всего деньги выманивались в виде залогов со служащих, будто бы принимаемых на службу, или через рекомендательные конторы, учреждаемые ими же самими, или через конторы по управлению именными будто бы богатыми землевладельцами, тогда как у последних ничего этого, кроме их титулов, не оставалось, и были они беднее церковной крысы.

Другой способ состоял в следующем: кто-либо из кружка выдавался за очень состоятельного человека, в доказательство чего подделывались соответствующие документы, а остальные товарищи являлись или в качестве управляющих этого «богача», или же в качестве его

«Счастливицы, получившие на это дело билеты, — писала Козлинина, — составляли лишь незначительную горсть среди желавших хоть на минутку заглянуть в зал заседания, и те, кто, в конце концов, убедился, что проникнуть в здание без билета нет ни малейшей возможности, продолжали толпою стоять на дворе, чтобы хоть взглянуть на обвиняемых, когда их доставят в Суд».

Ничего удивительного в этом взрыве любопытства не было. Ведь все или почти все состоятельные жители Москвы знали обвиняемых и были наслышаны об их похождениях, а иногда становились свидетелями их деяний.

Правда, в начале 1870-х годов прделки этих светских молодых людей и их окружения считались не преступлениями, а проказами на грани дозволенного.

По свидетельству той же Козлининой, заводилой компании юных безобраз-

Портрет Н.В. Муравьева

Суд над убийцами Александра II

комиссионеров и выманивали для него товар на крупные суммы, а затем этот товар спускали за что попало, находя хищников, с удовольствием скупавших у них все за гроши».

Еще одним источником денег для Шейера и его приятелей были молодые купцы, которых они приглашали в свою компанию, сплавляли, а затем обирали.

Все это было противозаконно, но продолжалось у всех на глазах несколько лет. Причем московское общество осуждало не мошенников, а их жертв, попавшихся в столь незатейливо расставленные сети.

Можно представить себе, каким было удивление московских обывателей, когда всем известные шалопаи вдруг оказались самой опасной преступной шайкой Российской Империи. В деле фигурировали десятки эпизодов и кроме мошенничества в нем появились фальшивомонетничество, убийство и кощунство. Последнее вызвало наибольшее удивление у наблюдателей.

«Трое», — вспоминала Козлинина, — обвинялись только в кощунстве, так как, в конце концов, допились до того, что купили гроб, в который улегся Брюхатов, и, пригласив певчих, заставили их петь погребальные псалмы и молитвы, а остальные товарищи стояли со свечами и кадили кадильницами. Когда же Брюхатову лежать в гробу и слушать «вечную память» надоело, гроб был отправлен обратно в гробовую лавку, а певчих усадили на дроги и повезли их справлять поминки к «Яру», причем, певчие распевали скабрёзные песни, за что вся компания и была задержана полицией».

Однако во время заседаний суда, продолжавшихся без малого месяц, обвинитель — восходящая звезда прокуратуры, помощник прокурора Московского окружного суда Н.В.Муравьев, допрашивая сотни свидетелей, доказывал присяжным, что даже такие малозначительные эпизоды характеризуют размах и цинизм деяний особо опасных преступников, объединившихся в шайку. О том же он говорил и в своей обвинительной речи:

«Господа присяжные заседатели! Многогранная и многосложная задача выпала на вашу долю. Вам суждено было быть тем составом суда присяжных, последнее слово которого должно завершить дело гигантское по своим размерам, чрезвычайное по крайней сложности и бесконечному разнообразию своих обстоятельств... И трудилось вы не напрасно; не бесплодно, смею думать, были те усилия рассудка и чувства, которые приходилось вам делать в эти долгие дни, проведенные здесь для того, чтобы усвоить себе и оценить по достоинству бесчисленные подробности происшедшего перед вами судебного следствия. Загадочное стало понятно, сомнения рассеялись, неясное и смичивое разъяснилось, лучи света проникли во тьму и осветили самые мрачные закоулки человеческой совести, самые печальные факты человеческого падения».

На ваш первый суд отдано 45 ваших сограждан (двое из 48 обвиняемых до суда бежали за границу, один был признан душевнобольным), людей всех возрастов и всех состояний. Они сошлись перед вами на одной скамье подсудимых, потому что их всех, хотя не в равной мере, опутывает одна и та же неразрывная и крепкая, в течение девяти лет сплетенная сеть многочисленных преступлений. Эти особенности, характеризующие внешнюю, так сказать, количественную сторону процесса, особенности, по поводу которых небесполезно будет упомянуть и о тресте с лишком свидетелей, вами выслушанных, и о колоссальной гряде прочитанных на суде документов и писем, о бесчисленных представленных вам вещественных доказательствах — все это сразу определяет размер материала, данного судебного следствием, и вашу задачу на этом материале основать свои решения».

У присутствовавших на суде вполне могло появиться ощущение, что с помощью чудовищного объема разрозненных доказательств обвинитель просто пытается запутать присяжных. А затем воздействовать на их чувства, чтобы добиться нужного приговора. Муравьев упорно, разными способами доказывал, что обвиняемые — сообщество уголовников, клуб элитных преступников:

Ф.Н.Плевако

Ф.Н.Плевако

«С общественной точки зрения, в представлении публики, для толпы подвижной и впечатлительной, быть может, уже давно под именем «червоного вала» сложился своеобразный и характерный тип нравственной порчи, зла и преступления».

А в конце своей долгой речи обвинитель сделал упор на значительном размере нанесенного подсудимыми ущерба:

«Если к колоссальному делу, нами исследованному, мы применим бесхитрое арифметическое счисление и при этом счислении уловим, как это требует и уголовный закон, каждый подложно составленный документ, каждый обман, совершенный над одним лицом, считать за отдельный подлог, отдельное мошенничество и уловим кроме того к потерпевшим причислять всех тех, доброе имя которых было затронут подлогами от их имени, а обобранными будем считать только тех, которые действительно тяжело пострадали в материальном отношении, мы увидим, что на последней, конечной странице общественного поприща соединений вместе подсудимых написано: подложных векселей — 23, переделанных банковых билетов — 4, разных подложных казенных нотариальных бумаг — 4, итого всего подлогов — 31. Обманов, мошенничеств на сумму более 300 рублей — 15, мошенничеств на сумму менее 300 рублей — 14, вовлечений посредством обмана в невыгодные сделки — 13, итого всех мошенничеств — 42, из них обманов с особыми приготовлениями, то есть со сложной мошеннической обстановкой

чего никто не ожидал. Он вдруг упомянул Мазурина в числе расквашившихся:

«Господи Мазурин, как мне кажется, неудержимо говорит искреннее сокрушение о том, что несчастно сложившиеся обстоятельства и собственная его неосторожность вовлекли его в не свойственную ему среду».

А затем Муравьев попросил суд снять с Мазурина все обвинения:

«Все, что можно сказать против Мазурина, это то, что он не был достаточно осторожен, осмотрителен, но за излишнее доверие никого не судят. Не находя возможным по совести поддерживать обвинение против Мазурина, я на основании ст. 740 Уст. Угол. Суд. отказываюсь от сего обвинения, о чем имею честь заявить суду».

В итоге Плевако в своей речи оставил только благодарить обвинителя:

«Защита счастлива, что ей не приходится вести борьбы с обвинением, не приходится ставить подсудимого в томительное ожидание того, что из борцов одержит верх... Обвинитель уже сказал то самое по убеждению, что я должен был говорить, прежде всего, по долгу».

Благодарно, со страстью выслушали мы это слово, изумляясь тому, что ни масса данных, ни гигантские размеры задачи не увлекли обвинения и оно ни разу не сбросило в одну общую массу виновных и оправдавшихся и не закрыло глаз от того, что разбивало первоначальные взгляды, ясно и внятно говоря не-предубежденному уму о необходимости уступок в интересе правды».

Муравьев, таким образом, выключил из дела своего главного и опасного оппонента.

Но этот трюк распалил других защитников. Присяжный поверенный В.М.Пржевальский, когда пришла его очередь выступать, по сути, обвинил Муравьева в фабрикации дела:

«Когда перед нами лежит такая гора материала, то с нею нелегко бывает справиться. Эта масса поражает человека, который терзается в ней до известной степени, перестает быть всегда осторожным, строго разборчивым, перестает критически относиться к материалу, не может хладнокровно смотреть на это поразжающее количество, особенно если еще человек работает притом с известной предвзятой мыслью. Все помогает фантазии обвинителя, как внешняя обстановка, так и внутреннее содержание. И действительно, весь этот материал, обставленный пышными декорациями убийства, разных злонамеренных шаек и т. п. при блестящем освещении его эффектно, талантливо речью, производит изумительное впечатление. В особенности первое впечатление настолько сразу ошеломляет, что нужно немало времени и усилий, чтобы прийти к себе, отбросить увлечение и пыл фантазии и призвать на помощь холодную силу рассудка... Вся наша иллюзия исчезнет; но насколько пропадет сила иллюзии, настолько от этого выиграет сила правды. Дело столь раздутое, изукрашенное обвинительной властью смесится с пыле-стала и снизойдет на подобающий ему уровень. Тогда окажется, что обвинение очень часто шито белыми нитками, что связь между делами по большей части искусственная, что большинство привлеченных к делу лиц ничем не отличаются от тех заурядных личностей, которые так часто встречаются на скамье подсудимых, и что многие из них вовсе не по плечу тому громкому имени, которое упрочи- лось за ними в обществе обвинительный акт».

Кому поверили присяжные, можно судить по приговору. Девятнадцать подсудимых были оправданы. И ни один из осужденных «Червоных валетов» не был отправлен на каторгу. Одних сослали на поселение в места столь и не столь отдаленные, что на фоне вменявшихся им обвинением деяний мало чем отличалось от оправдания. Других же приговорили к небольшим срокам заключения.

При этом, однако, присяжные признали, что шайка все-таки существовала. Но соответствовало ли это действительности?

Ответ на этот вопрос хорошо знали в Московском окружном суде. Е.И.Козлинина вспоминала:

Окончание. Начало на с.15

«В то время Н.В.Муравьев был еще очень молод, шумные овации, хотя и вполне заслуженные, кружили ему голову, и, естественно, что ему хотелось как можно чаще выступать перед публикой, жаль было уделять остальным товарищам другие интересные дела, по которым можно было говорить так много и так хорошо. Вот исключительно благодаря этому нежеланию уступать товарищам интересные дела он и создал громоздкое дело, которое и обозвал «Клубом червонных валетов».

Это, собственно, было не одно дело, а тридцать самых разнородных дел, за волосы притянутых одно к другому и связанных между собой только тем, что у деятеля того либо другого дела находилось кто-нибудь знакомый среди деятелей остальных дел. И этого уже было достаточно, чтобы эти дела связать между собой. Таким образом, все эти дела и попали в один руку.

Конечно, никому другому сделать это не разрешили бы, но Николай Валерьянович был цветом и надеждой прокуратуры, и поэтому прокурор ему и помиривал. Да оно было и понятно: все-таки лучше него никто с этими делами не справился бы, а как это ответится на обвинениях, об этом тогда не подумали».

Громкое дело, широко разрекламированное прессой, прекрасная речь, которую в отличие от выступлений защитников опубликовали без изысканий, открыли перед Муравьевым блестящие карьерные перспективы. В том же 1877 году его назначили прокурором Ярославского окружного суда. В 1879 году — товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. А после очередного восхитившего всех выступления на суде над «первомартовцами» — участниками убийства Александра II — быстрота его продвижения по службе поражала воображение друзей и врагов. В 1894 году состоялось его назначение министром юстиции, и эту должность он занимал одиннадцать лет.

На посту министра он сделал немало для уменьшения независимости судов, что весьма озадачивало людей, знавших его в молодые годы, когда он был яростным поборником судебных реформ Александра II. Они просто не понимали, что принципиальна для него только карьера. А все остальное лишь приходящие обстоятельства.

В общем, дело «Червонных валетов», вокруг которого организовали огромный ажиотаж, было, фактически, раздуто и сфабриковано Муравьевым только с целью показать себя и продвигнуться по карьерной лестнице. И надо признать, ему это в полной мере удалось. Ему удалось не просто блеснуть красноречием, но только продемонстрировать свои знания, но и выбить из седла звезду адвокатуры Федора Никифоровича Плевако.

Николай Валерьянович Муравьев родился 27 сентября 1850 года в Новгородской губернии и принадлежал к родовой дворянской семье. Детские годы его прошли в Костроме, Петрозаводске и Пскове, где отец служил губернатором.

В 1868 году Муравьев поступил на юридический факультет Московского университета, но уже на следующий год оставил учебу и отправился за границу, где намеревался самостоятельно подготовиться к сдаче экзаменов на степень кандидата прав. Эти испытания он блестяще выдержал в мае 1870 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Познания двадцатилетнего юноши были так основательны и глубоки, что ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Это предложение было очень заманчиво, поскольку научная и творческая деятельность привлекали молодого юриста. Однако он его все же отклонил.

Муравьев, как и многие честолюбивые юристы того времени, очарованные и завороженные открывшимися после проведения судебной реформы грандиозными перспективами, всей душой рвался к практической деятельности. Его очень заинтересовала возможность стать одним из представителей «ока его императорского величества». Поэтому он не соблазнился возможностью занять

теплое место где-нибудь в канцелярии Правительствующего сената, а поступил 25 августа 1870 года на службу кандидатом на судебные должности при прокуратуре Московской судебной палаты. Менее чем за три года Муравьев выслужил чин титулярного советника и пригласился прокурором Московской судебной палаты, который и перевел его в старшую столицу.

Муравьев в Москве быстро выдвинулся в число лучших обвинителей московского суда. Он любил выступать в судебных процессах и умел хорошо их организовать. Его речи всегда были безукоризненными: юридически обоснованные, грамотно построенные, страстные, красиво звучащие — они прочно захватывали внимание слушателей и держали его до конца.

Одним из самых громких процессов этого периода деятельности Н.В.Муравьева и был процесс по делу «Клуба червонных валетов».

Накануне открытия судебного заседания к Муравьеву явился полицейский и предупредил, что, по их сведениям, невеста одного из подсудимых, некая Жардешка, намерена явиться на процесс с револьвером и выстрелить в прокурора. На это Муравьев ответил:

— Благодарю вас, можете быть уверены, что я теперь более, чем когда-либо спокоен за свое существование; уж если об этом намерении дошли слухи до сведения нашей московской полиции, то я уверен в том, что мадемуазель Жардешка этого ни за что не хотела сделать.

Почти два дня длилась замечательная речь Муравьева. Сильная и эффективная, она до такой степени захватывала внимание слушателя, что когда он яркими красками набрасывал какую-нибудь картину, так и казалось, что воочию видишь ее.

Несомненно, что ни раньше, ни потом публике не удалось слышать ничего подобного. Массу прекрасных речей этого талантливого оратора слышали его современники, но по силе впечатления с речью по делу «валетов» не могла сравниться ни одна.

1881 год, обогранный царской кровью, стал судьбоносным в служебной карьере Н.В.Муравьева. Именно ему талантливого, задиристого, блистательного тридцатилетнего судебного деятеля было доверено исполнять прокурорские обязанности в Особом присутствии Правительствующего сената по «Делу о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр Николаевич». Суду были преданы шесть человек, пять из них имели адвокатов. Софью Перовскую защищал Кедрин, Николай Кибальчича — Герард, Тимофея Михайлова — Хартуляри, Николай Рысакова — Унковский и Геси Гельфман — Герке. Андрей Желябов от адвоката отказался.

Муравьев произнес длинную, длившуюся почти пять часов, довольно страстную обвинительную речь. С точки зрения революционных демократов, его речь была «напыщенной» и «вычурной», наполненной «небылицами». Такие отзывы сделали как сами подсудимые, так и демократические издания. Муравьев не шадил в своем выступлении даже женщин. Софью Перовскую он выставил как олицетворение безнравственности и жестокости, свойственной будто бы всем

революционерам. Он говорил, что она с «циничным хладнокровием» распоряжалась «злодеянием». И никакие воспоминания детства здесь уже не имели для него значения. А ведь обвинителю было бы вспомнить. Еще мальчиком, в 1856-1859 годах, когда его отец был губернатором в Пскове, а отец Перовской — вице-губернатором, он играл вместе с Софьей, а однажды она вместе со своими братом и сестрой даже вытаскала будущего прокурора из глубокого пруда, в котором он чуть было не утонул.

Прокурор внес предложение приговорить всех подсудимых к смертной казни.

Особое присутствие Правительствующего сената приговорило всех подсудимых к повешению. Только Рысаков и Михайлов подали прошения о помиловании, которые были отклонены. Пятеро подсудимых были казнены. И только Гельфман, оказавшейся беременной, смертную казнь заменили каторгой. Однако вскоре после родов она умерла в крепости.

После этого процесса Муравьев стал прокурором Москвы.

Занимался Муравьев и творчеством. Он издал капитальный труд по истории прокурорских органов в России — «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности». Затем опубликовал обширную работу о современной ему прокуратуре «Общие основания устройства и уголовного деятельности прокурорского надзора».

17 апреля 1894 года Н.В.Муравьев утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора. Министром юстиции и генерал-прокурором Н.В.Муравьев оставался 11 лет. На этом посту наиболее полно раскрылись его выдающиеся способности, но и особенно резко проявились его негативные качества: властолюбие, нетерпимость к чуждому мнению, резкость и даже грубость, склонность к внешним эффектам, удобство перед властью имущими, недостаточные высокие нравственные качества. Начало XX века Н.В.Муравьев встретил в расцвете своей славы. К этому времени он имел чин действительного тайного советника, был награжден многими высшими орденами Российской империи. В России резко обострилась обстановка, один за другим совершались террористические акты на высших царских сановников. Революционеры готовили покушение и на Муравьева. Усилилась и репрессивная направленность деятельности правительства. В такой ситуации Николай Валерьянович не посчитал возможным оставаться далее на посту министра юстиции и генерал-прокурора. Он попросил об отставке.

В конце 1904 года Муравьев стал усиленно добиваться места посла в Париже, но такой возможности ему не представилось. Однако вскоре посол в Риме князь Урусов был переведен в Вену, а на открывшуюся вакансию назначен Н.В.Муравьев. Николай Валерьянович выехал для работы в Рим. Он занимался дипломатическими делами с такой же энергией, как и в министерстве.

Н.В.Муравьев был женат три раза. Последней его женой была Евгения Ивановна Акерман — женщина волевого, державшая Муравьева «в большом respeito». Она была единственным человеком, которого «боялся и слушался»

Муравьев. От этого брака у него были две дочери и один сын.

Скончался Н.В.Муравьев 1 декабря 1908 года в Риме.

На другой стороне барьера в деле «Червонных валетов» стоял Федор Никифорович Плевако — один из самых известных российских адвокатов, которого современники прозвали его «московским золотом».

С биографией Николая Никифоровича вас знакомить не буду — каждый желающий может найти ее в Интернете.

Давайте лучше вспомним о некоторых делах, блестяще выигранных этим гением адвокатов:

1. К Плевако попало дело по поводу убийства одним мужиком своей бабы. На суд Плевако пришел как обычно, спокойный и уверенный в успехе, и безо всяких бумаг и шпаргалок. И вот, когда дошла очередь до защиты, Плевако встал и произнес:

— Господа присяжные заседатели! В зале начал стихать шум. Плевако опять:

— Господа присяжные заседатели! В зале наступила мертвая тишина. Адвокат снова:

— Господа присяжные заседатели! В зале прошел небольшой шорох, но речь не начиналась. Опять:

— Господа присяжные заседатели! Тут в зале прокатился недовольный гул заждавшегося долгожданного зрелища народа. А Плевако снова:

— Господа присяжные заседатели! Тут уже зал взорвался возмущением, воспринимая все как издевательство над почтенной публикой. А с трибуны снова:

— Господа присяжные заседатели! Началось что-то невообразимое. Зал ревел вместе с судьей, прокурором и заседателями. И вот, наконец, Плевако поднял руку, призывая народ успокоиться.

— Ну вот, господа, вы не выдержали и пятнадцатый минут моего эксперимента. А каково было этому несчастному мужику слушать пятнадцать лет несправедливые попреки и раздражающее зудение своей сварилой бабы по каждому ничтожному пустяку?

Зал оцепенел, потом разразился восхищенными аплодисментами. Мужика оправдали.

2. Суд рассматривает дело старушки, потомственной почетной гражданки, которая украла жестяной чайник стоимостью 30 копеек. Прокурор, зная о том, что защищать ее будет Плевако, решил выбить почву у него из-под ног, и сам живописал присяжным тяжелую жизнь подзащитной, заставившую ее пойти на такой шаг. Прокурор даже подчеркнул, что преступница вызывает жалость, а не негодование.

— Но, господа, частная собственность священна, — закончил прокурор, — на этом принципе зиждется мироустройство, так что если вы оправдаете эту бабку, то вам и революционеры тогда по логике надо оправдать.

Присяжные согласно кивали головами, и тут свою речь начал Плевако.

— Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России за более чем тысячелетнее существование. Печенег, германцы, половцы, татары, поляки. Двенадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь... Старушка украла старый чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно... Старушку оправдали.

3. Однажды Плевако защищал мужика, которого проститутка обвинила в изнасиловании и пыталась по суду получить с него значительную сумму за нанесенную травму. Обстоятельства дела: истица утверждала, что ответчик зашел ее в гостиничный номер и там изнасиловал. Мужик заявлял, что все было по доброму согласию.

Последнее слово за Плевако: — Господа присяжные, — заявляет он. — Если вы присудите моего подзащитного к штрафу, то прошу из этой суммы вычесть стоимость стирки простынь, которые истица запачкала своими туфлями.

Проститутка вскакивает и кричит: — Неправда! Туфли я сняла! В зале хохот. Подзащитный оправдан. Вот такое дело «Червонных валетов».

